ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ

К 96-летию со дня рождения академика А.П. Каюмова

doi 10.47267/2181-8207/2022/1-107

Эркин Ахунджанов,
доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения и герменевтики суфизма Ташкентского государственного университета востоковедения

Annotation: In the article, the author recalls his mentor, an outstanding personality, our contemporary Aziz Pulatovich Kayumov, who played a big role in his life and destiny, as well as other researchers. In the course of joint work in various scientific areas, he, as the author of a study of the history of the book of Uzbekistan in the 20th century, recommended the creation of the necessary textbooks on Central Asia and Uzbekistan. Kayumov said that fate itself orders to study the 2.5 thousand-year history of the book culture of the Central Asian region and Kazakhstan. When in 1979 Aziz Pulatovich was appointed director of the Institute of Manuscripts of the Academy of Sciences, they continued to closely deal with the vast topic of recreating the history of writing, handwritten and first printed (lithographic) books, the art of the book, the history of book publishing, library, bibliographic, book trade of the last 25 centuries. Thus, the scientific monograph “History of the book in Turkestan. Antiquity. Middle Ages», which was published by the publishing house of the National Library of Uzbekistan.

Аннотация: В статье автор вспоминает своего наставника, выдающуюся личность, нашего современника Азиза Пулатовича Каюмова, который сыграл большую роль в его жизни и судьбе, а также других исследователей. В ходе совместной работы по различным научным направлениям, он, как автору исследования истории книги Узбекистана XX в., рекомендовал создание необходимых учебников по Средней Азии и Узбекистану. Каюмов говорил, что сама судьба велит заняться 2,5 - тысячелетней историей книжной культуры Среднеазиатского региона и Казахстана. Когда в 1979 г. Азиз Пулатович был назначен директором Института рукописей Академии Наук, они продолжали вплотную заниматься обширнейшей темой воссоздания истории письменности, рукописной и первопечатной (литографской) книги, искусства книги, исто-рии книгоиздательского, библиотечного, библиографического, книготоргового дела последних 25 веков. Таким образом, появилась научная монография «История книги в Туркестане. Древность. Средние века», которая издавалась в издательстве Национальной библиотеки Узбекистана.

Ключевые слова: Азиз Каюмов, синтонный пикник, институте рукописей, история книги, истории письменности, литографской, книгоиздательский, книжно-информационная культура Узбекистана, востоковедения, терминология, типология.

Среди всех этих людей особо выделяется личность Азиза Пулатовича Каюмова, который сыграл в моей жизни и судьбе исследователя определяющую роль. Представили ему меня, тогда московского студента, в марте 1969 года

В жизни мне всегда везло на хороших людей. Своей душевной щедростью, добротой и хорошим отношением они принимали самое деятельное участие в моей биографии. Среди всех этих людей особо выделяется личность Азиза Пулатовича Каюмова, который сыграл в моей жизни и судьбе исследователя определяющую роль. Представили ему меня, тогда московского студента, в марте 1969 года. Он находился в Москве в командировке в ранге министра Госкино Узбекистана. Это был относительно молодой человек сорока трех лет от роду, с коренастой фигурой, крупной головой, широкой грудью, сильными руками и ногами. В присутствии общих знакомых он расспросил меня о моем происхождении, о моих родителях, учебе. Отметил, что моя будущая специальность книговеда и историка книжной культуры будет наверняка востребована в республике. На следующий день я даже удостоился чести проводить его

в аэропорт Домодедово. Эта поездка в течение полутора часов на черной служебной «Волге» позволила ближе узнать каким великолепным эрудитом и оратором с богатой, правильной, как узбекской, так и русской, речью был мой спутник, как много он знал и глубоко понимал текущую жизнь.

Вторая встреча с А.П. произошла спустя восемь лет в марте 1977г. после окончания аспирантуры. Вот тогда-то в качестве ректора института культуры он принял меня на работу преподавателем на библиотечный факультет. Защита диссертации была назначена на 7 июня 1977г. и моё присутствие в Москве уже в апреле было необходимо. А.П. распорядился выдать мне зарплату с апреля по июль и напутствовал меня самыми добрыми пожеланиями. Я был на седьмом небе от счастья, а мои родители просили у Бога и желали для А.П. все мыслимые блага. Позже, когда я уже работал у А.П. в институте рукописей, а супруга училась в очной аспирантуре МГУ, не раз и не два в году (в 1980-1982 годах), он отправлял меня в Москву на длительные сроки с зарплатой на 3-4 месяца вперед с такими словами: «муж и жена не должны расставаться надолго, тем более у вас мальчик растет. Я знаю, вы там вместе будете в библиотеке большую часть времени проводить, работой научной заниматься». Надо ли говорить как мы всей семьей были благодарны А.П., как любили и боготворили его.

После защиты диссертации А.П. пригласил меня на беседу и поставил новую большую задачу. «У нас в учебном плане, - говорил он, - значится предмет «История книги». Учебник московских авторов, по которому учатся наши студенты, освещает историю книжной культуры западно-европейских стран и России. Нам необходим учебник по Средней Азии и Узбекистану. Вам, как автору исследования истории книги Узбекистана XXв., сама судьба велит заняться 2,5-тысячелетней историей книжной культуры Среднеазиатского региона и Казахстана. Это тема для нескольких десятков кандидатских и докторских диссертаций. Предлагаю приступить к этой работе немедленно. Один раз в месяц будем встречаться и обсуждать ход исследования. Первый совет: работать надо с утра, порядка с 4-5 утра. А ночью спать. Тогда после 6-7 часового сна все лучшие мысли придут Вам в голову именно с утра».

В сентябре 1979 г. А.П. был назначен директором института рукописей Академии наук и в том же сентябре он перевел меня к себе, где с первых дней я вплотную занялся обширнейшей темой воссоздания истории письменности, рукописной и первопечатной (литографской) книги, искусства книги, истории книгоиздательского, библиотечного, библиографического, книготоргового дела последних 25 веков. Работа над темой и консультации с А.П. продолжались и после моего возвращения в институт культуры в 1985г. Итоги наших с А.П. работ в несколько учебников и монографий по теме знает научная общественность. Теперь студенты и учебный процесс в Институте культуры надёжно снабжены фундаментальными учебниками «Ватан кутубхоначилиги тарихи.Қадимият ва ўрта асрлар», «Ватан кутубхоначилик тарихи. XIX асрнинг иккинчи ярми – XX аср», «Кутубхонашунослик, библиографияшунослик, китобшунослик: назарияси ва тарихи», «История книги в Туркестане. Древность. Средние века», «Письменная и книжная культура Узбекистана. Древность . Средние века, «Книжно-информационная культура Узбекистана. Вторая половина XIX-начало XXвв.»

Несмотря на всю безмерную любовь и уважение к А.П., я держался по отношению к нему так, чтобы не докучать ему, беречь его время, здоровье, силы. Но в его трудные дни старался всегда быть рядом. В домашней обстановке он был совершенно иным, нежели в кабинете на работе. Он был приветлив, ла-

Нам необходим учебник по Средней Азии и Узбекистану. Вам, как автору исследования истории книги Узбекистана XXв., сама судьба велит заняться 2,5-тысячелетней историей книжной культуры Среднеазиатского региона и Казахстана

Несмотря на всю безмерную любовь и уважение к А.П., я держался по отношению к нему так, чтобы не докучать ему, беречь его время, здоровье, силы. Но в его трудные дни старался всегда быть рядом

[1] См. Шильник Л. Шизо и Цикло.Присмотрись, кто рядом с тобой. Психологический определитель // https/boohap.info/popular/Shilnik_shizo_i-tsiklo/g-15.shtm

сков, по-отечески заботлив, за столом всегда старался подложить кусок повкуснее. Как-то раз, когда я навестил его в больнице, он(как я ни отказывался) сладкоречиво и хитро заговорил меня и всё же сделал так, что я довольно плотно поужинал принесённым ему кем-то излишком еды. В этой связи невольно вспоминается свидетельство моего дальнего родственника Вахоб-ака Юлдашева , который учился в одной группе с А.П. на востфаке САГУ (ныне Национальный университет им. Мирзо Улегбека) в 1944-1947 гг. Во время большой перемены А.П. подзывал к себе своего младшего брата Лазиза, который учился на филфаке, доставал из-за пазухи лепешку , делил ее надвое и большую часть отдавал брату.

Аския была любимой стихией А.П.! Без умной шутки, юмора, смеха он не мыслил себе жизнь. Во время любого выступления на публике или серьезной беседы в кругу коллег он всегда находил паузу для юмора и шутки

А как он умел пошутить сам и ценил юмор других! Порой он доводил своих собеседников до исступления – от гомерического хохота те переходили к неестественному шепоту и бормотанию, обхватывали животы и, сгибаясь в три погибели, чуть ли не падали со стульев. Одним добавленным к месту в процессе смеха метким выражением или тонким смешным замечанием он мог довести всеобщий смех и хохот до троекратной и даже пятикратной волны. И сам смеялся заразительным и красивым смехом с запрокидыванием головы назад. Аския была любимой стихией А.П.! Без умной шутки, юмора, смеха он не мыслил себе жизнь. Во время любого выступления на публике или серьезной беседы в кругу коллег он всегда находил паузу для юмора и шутки. Чувствовать себя в стихии аскии как рыба в воде, когда моментально надо ответить на шутку еще более тонкой остротой было в крови братьев Азиза и Лазиза Каюмовых. Те же общие знакомые, что представляли меня А.П. в Москве, рассказывали, как довелось им встречать один из Новых Годов в компании этих братьев вместе с руководителями высокого ранга, какая это была нескончаемая феерия шуток, юмора, анекдотов из жизни восточных и западных народов, тонких умных заметок по поводу смешных жизненных ситуаций, в которые попадают люди, а также соленых выражений и прозрачных фривольных намеков. Тандем братьев, которые брали слово поочередно, не позволял никому ни на минуту выпрямиться за столом и привести мышцы лица в привычное для партийных бонз «начальственное» положение. В новогоднюю ночь с 10 вечера до 4-х утра вся компания пребывала под обаянием этих двух умнейших и креативнейших людей. И поверженная хохотом и смехом лежала пластом, впав в состояние глубочайшей эйфории.

В одной из научно-популярных книг по психологии такой тип личности, каким был А.П., определяется как «синтонный пикник» (синтонность – «созвучие», «соразмерность») и характеризуется как полный, с большой (лысеющей) головой, но в то же время грациозный, непринужденный в движениях человек, с речью, богатой выразительными интонациями

В одной из научно-популярных книг по психологии[1] такой тип личности, каким был А.П., определяется как «синтонный пикник» (синтонность – «созвучие», «соразмерность») и характеризуется как полный, с большой (лысеющей) головой, но в то же время грациозный, непринужденный в движениях человек, с речью, богатой выразительными интонациями. Свойственная синтонным пикникам высшая степень эмпатийности («вчувствование», сопереживание) давала возможность А.П. поразительно легко общаться даже с совершенно незнакомыми людьми, и не требовалось никаких предварительных «притирок» для общего взаимопонимания.

При этом во время общения с А.П. у собеседника не возникало впечатления поверхностности или формальной вежливости. Что особенно характерно синтонным пикникам – они совершенно искренне проникаются вашими проблемами, с готовностью разделяют любые тревоги и переживания собеседника, охотно говорят о своих тревогах. А.П. понимал собеседника с полуслова. При этом не могло быть и речи о какой-либо фамильярности.

Как и все выраженные синтонные пикники А.П. был жизнелюбом, бонвиваном, человеком насквозь земным и житейским. Все знали его, он всех знал, он всегда готов был помочь и советом и делом, надежный, человечный – на него можно было положиться. Прекрасный организатор, его стихия – живое дело, где нужно соображать, перестраиваться, быстро переключаться с одного на другое, действовать в условиях жесткого дефицита времени – при этом делать это с артистичностью и легкостью.

Умный и одаренный человек, А.П. был талантлив во всем: в выполнении государственных дел в качестве депутата парламента, написании академического издания научной истории узбекской литературы, в изучении творческого наследия наших великих ученых, поэтов и государственных деятелей Абу Райхана Беруни, Абу Али ибн Сины, Алишера Навои и Захириддина Мухаммада Бабура, поэтов кокандской литературной среды XVIII- XIXвв., создании разнообразных научных работ гуманитарной тематики, а также в организации науки и научных исследований в республике, в руководстве научными коллективами (отдел науки и учебных

заведений ЦК партии, НИИ востоковедения, языка и литературы, рукописей, институт культуры), государственным комитетом по кинематографии. С Госкино он никогда не порывал, даже уйдя с должности министра. До конца жизни он был членом её Коллегии, дружил с крупнейшим кинорежиссёром Шухратом Аббасовым, другими режиссёрами и сценаристами. Самым дорогим и любимым он был в институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук, членом совета по защите диссертаций которого был. Через его руки и научное руководство прошла добрая сотня соискателей ученых степеней и еще столько же получили его научное воспитание.

Везде, где работал А.П., он создавал атмосферу подлинного творчества. Личным примером вселял в людей дух исследовательского и художественного поиска, непрерывного научного роста. Например, за время работы в институте рукописей (1979-1998) им были созданы научно-исследовательские группы по таким новым для республики научным направлениям, как согдология, палеография древних письменных памятников, тюркология, письменные памятники уйгурского письма, история и теория письма (грамматология), книговедение и история книжной культуры, терминология и типология средневекового книжного дела, источниковедение и текстология средневековых письменных памятников на арабском, фарси и тюркских языках, лингвистика, герменевтика, источниковедение истории литературы, история средневековых антологий (тазкира), культурные и литературные связи Востока и Запада, а также продолжена разработка вопросов таких устоявшихся наук , как история литературы, литературоведение, кодикология и конечно же велась непрерывная работа по описанию восточных рукописей и литографских книг, составлению и изданию их каталогов. И как результат - десятки новых книг, диссертаций, научных обобщений и открытий.

… Азиз Пулатович оставил свой неповторимый след не только в научной жизни нашего государства, его творчество в форме произведений и книг прочно вошло в общественное сознание народа, стало фактом биографии сотен людей, знавших его. В работе, своей деятельности во главу угла он всегда ставил интересы государства и народа, превыше всего ценил в людях порядочность, благородство, ум и умение хорошо

посмеяться над своими и чужими недостатками. Он ненавидел некомпетентность, непрофессионализм, стяжательство и взяточничество, все реликты и проявления старых полуфеодальных отношений между людьми. Кристально честный человек, он жил на советскую зарплату доктора наук, с конца 80х годов академика, был неприхотлив в еде, одежде, отказался в свое время от отдельной квартиры, выделенной ему правительством, мотивируя тем, что имеет дом и участок, а потом 20 лет ежеквартально выплачивал с зарплаты за кооперативную квартиру сына. Был большой оптимист, любил жизнь во всех её проявлениях, почитал семейные ценности, со своей супругой Инессой Владимировной прожил в любви и согласии около 70 лет. Он относился ко всем с доброжелательностью, и все любили его в ответ на его сердечность, высокую и благородную эстетику. Он высоко ставил любовь между мужчиной и женщиной, был любим женщинами, любил и ценил сам их красоту. Азиз Пулатович был личностью возрожденческого духа и склада характера, человеком, неизбывно стремившимся к отвержению мещанских предрассудков, к преодолению всяческих средневековых и современных доморощенных идеологических загромождений и барьеров. Он создавал вокруг себя чистую и светлую ауру, был истинно национально узбекским общественным деятелем - преемственно верным продолжателем традиций джадидов в гуманитарной сфере. В этом смысле он был современным неоджадидом. И это не тавтология, а неологизм. Ибо преемственных неоджадидов в поколениях узбекского социума, рожденных в 20 веке, несущих в своем сердце дух новизны и стремление к кардинальным переменам в образе жизни общества, сотни в каждой из сфер жизнедеятельности, социальной и профессиональной иерархии. И это – несмотря на все негативного характера императивы советского времени и труднейшие годы начального периода суверенного развития. ■

За время работы в институте рукописей (1979-1998) им были созданы научно-исследовательские группы по таким новым для республики научным направлениям, как согдология, палеография древних письменных памятников, тюркология, письменные памятники уйгурского письма

… Азиз Пулатович оставил свой неповторимый след не только в научной жизни нашего государства, его творчество в форме произведений и книг прочно вошло в общественное сознание народа, стало фактом биографии сотен людей, знавших его